

С л о в о

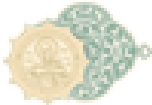
въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста, на пассіи¹⁾.

Новые пути жизни.

*Азъ есмь путь и истина и
жизнь (Іоан. XIV, 6).*

Кому приходилось внимательно,—не мимоходомъ, случайно и вскользь, а намѣренно и надолго—остановиться мыслью на этихъ словахъ нашего Господа, тотъ не могъ не преклониться предъ широтою и глубиною смысла ихъ. „Я—путь, истина, жизнь“—всего четыре слова; но если бы мы хотѣли коротко и вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить все дѣло Сына Божіа на землѣ, мы не нашли бы болѣе подходящей формы для этого, какъ именно эти Его собственные слова о Себѣ. Весь смыслъ воплощенія, цѣль всего ученія, причина и въ то же время цѣль страданій и смерти—все дѣло Его, во всей глубинѣ и широтѣ своей, можетъ быть опредѣлено этими словами Его. „Во Мнѣ, въ томъ, что Я говорилъ и дѣлалъ, найдетъ человѣкъ вѣрный путь для себя; во Мнѣ узнаетъ онъ дѣйствительную, неложную истину; во Мнѣ

¹⁾ Произнесено 14 марта 1903 года въ церкви Києво-Братскаго монастыря.



открыть для него источникъ вѣчной, неумирающей жизни“. Чтобы ясно показать этотъ путь, нужно было Самому пройти его. Чтобы открыть и водворить истину, нужно было устранить ложь. Чтобы дать источникъ жизни, необходимо было побѣдить смерть. И все это было дано, открыто, сдѣлано. Чтобы все это „совершить“, именно для этого приходитъ на землю Сынъ Божій, живетъ среди людей, учитъ, творитъ чудеса, несетъ неописуемая страданія и умираетъ позорнѣйшею смертью—на крестѣ, среди двухъ разбойниковъ. И только послѣ того, какъ все это было „исполнено“, земная жизнь Спасителя міра оканчивается. *Совершишася!* вотъ послѣднее слово Его на крестѣ, послѣ котораго *преклонъ главу, предаде духъ* (Лук. XIX, 30).

Итакъ, путь нашъ,—тотъ путь жизни человѣческой, который лежитъ предъ каждымъ изъ насъ, но предъ которымъ мы останавливаемся въ раздумьи, рѣшая вопросъ: какъ пройти его и куда приведетъ онъ насъ,—былъ пройденъ Самимъ Христомъ, и съ тѣхъ поръ онъ долженъ лежать предъ нами ясный, совершенно открытый. Истина,—это неизвѣстное и всегда искомое, столь заманчивое, съ такою силой всегда къ себѣ влекущее и вмѣстѣ съ тѣмъ столь недоступное, постоянно ускользающее, —эта истина указана Самимъ Христомъ, и отсегѣ долженъ наступить конецъ человѣческимъ блужданіямъ. Жизнь, это благо столь драгоцѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ столь кратковременное, такъ скоро отнимающееся, лишеніе котораго повергаетъ насъ въ трепетъ и недоумѣніе, эта величайшая изъ тайнъ міра, надъ разгадкою которой вотще трудится умъ нашъ,—жизнь, не эта краткая, земная, такъ тягостно оканчивающаяся, а жизнь истинная, неумирающая, вѣчная да-

на человѣку Самимъ Христомъ. (Искупить) смертъ, а есть жизнь.

Гдѣ же этотъ путь, эта истина и эта жизнь?

Путь земной жизни нашей послѣ того, какъ прошелъ имъ Самъ Христосъ, открылся намъ какъ путь креста. Это если и не тотъ самый крестъ (ибо по тяжести можетъ ли быть ему равный?), то подобный тому, какой несъ Господь нашъ на землѣ. Это — путь полного самоотверженія (Лук. IX, 23), безграничной любви (Мате. V, 43—45), совершенной правды (Мате. V, 6), безпредѣльной кротости (V, 5), высокой нищеты духа (V, 3), въ общемъ—это путь великихъ лишеній и страданій внѣшнихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ путь истиннаго глубокаго внутренняго счастія: это тотъ „плачь“, который ведетъ къ великому „утѣшенію“ (Мате. V, 4), ибо такимъ путемъ приобретається та святая „чистота сердца“, достигая которой человѣкъ способенъ „зрѣть Бога“ (V, 8).

Истина, открытая человѣку Христомъ, есть прежде всего устраненіе коренного заблужденія человѣка, что онъ самъ можетъ знать истину,—признаніе имъ своего полного безсилія овладѣть ею. „Что есть истина“ (Іоан. XVIII, 38)? вотъ характерное заявленіе, устами образованнаго римлянина Пилата, всего древняго міра о своемъ полномъ отчаяніи найти истину. Человѣчество истомилось въ своихъ долгихъ и напрасныхъ исканіяхъ тѣхъ идеаловъ—истины, добра, красоты, которые могли бы служить для него неизблемою основою міровоззрѣнія и жизни. Нѣтъ истины: ее не можетъ знать человѣкъ, предоставленный самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ. Ее можетъ указать человѣку лишь Тотъ, Кто есть сама истина. И Онъ сдѣлалъ это: *Азъ на сіе родихся, и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (Іоан.

XVIII, 37). Въ этой истинѣ, „засвидѣтельствованной“ Христомъ, даны рѣшеніе или путь къ рѣшенію всѣхъ „вопросовъ жизни“. Богъ, міръ и человѣкъ въ ихъ существѣ и взаимныхъ отношеніяхъ приближены дѣясь къ нашему слабому пониманію настолько, насколько въ нашихъ силахъ воспринять ихъ. Поэтому истина богооткровенная, данная міру Самимъ Сыномъ Божіимъ, утвердивъ границы между тѣмъ, что доступно человѣческому познанію, и особою областью вѣры, должна успокоить мятущійся умъ нашъ.

Наконецъ, завершеніемъ „пути“ человѣка и вѣнцомъ открытой ему „истины“ является *жизнь*, та непрекращающаяся со смертію тѣла вѣчная жизнь, которой такъ жаждетъ духъ нашъ. Какъ первородный грѣхъ повлекъ за собою естественное слѣдствіе — удаленіе человѣка отъ Источника жизни, а потому и смерть (Римл. V, 12), такъ великая жертва Христа за весь грѣшный міръ, Его страданія и смерть, загладивъ вину человѣка, искупивъ грѣхъ его, вернули его къ тому же источнику жизни — Отцу Небесному. Отселѣ человѣкъ *живъ*, живъ вѣрою во Христа, слѣдуя по Его „пути“, утверждаясь въ Его „истинѣ“.

Таковы плоды дѣла Христа для человѣка — „путь, истина и жизнь“, открытые Имъ міру въ Себѣ Самомъ. Это были *новыя* основы жизни, приобретенныя великою цѣною — крестомъ Богочеловѣка. Ихъ не зналъ міръ древній. Проповѣдь о Самомъ Христѣ Распятомъ являлась „соблазномъ“ для однихъ, „безуміемъ“ для другихъ (1 Кор. I, 23). Что же касается тѣхъ законовъ и нормъ жизни человѣческой, какіе самымъ тѣснымъ образомъ соединялись въ ней съ лицомъ и дѣломъ Христа, то они были настолько новы, что принятіе ихъ равнялось коренному измѣ-

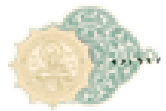
ненію всѣхъ возрѣній тогдашняго человѣчества, всего уклада жизни его — личной, семейной, общественной, государственной. Естественно, что не сразу и не безъ борьбы они могли войти въ міръ древній, языческой. Они были такъ же противоположны ему, какъ свѣтъ тѣмѣ; и свѣтъ долженъ былъ побѣдить и разогнать тьму. И вотъ, постепенно этотъ чудный свѣтъ Христовъ сталъ распространяться по всему лицу земли, вездѣ принося съ собой благодатную новую жизнь, открывая новый путь людямъ...

Много времени прошло отъ дней земной жизни нашего Господа: девятнадцать вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ великой жертвы, принесенной за весь міръ на Голгофѣ. Повидимому, за такое время истина Христова и путь жизни, указанный Имъ, должны бы были не только сдѣлаться извѣстными человѣку, но *глубоко* войти въ его сознаніе и жизнь — создать твердое міровозрѣніе человѣчества, недоступное уже колебаніямъ и кореннымъ измѣненіямъ. Но что же видимъ мы?

Ученіе Христа, дѣйствительно, стало достояніемъ міра. Идеалы, открытые въ Его словѣ и дѣлѣ, сначала такъ поразившіе языческой міръ, постепенно стали входить въ сознаніе человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ, до извѣстной степени, вліять и на весь укладъ жизни его. Въ общемъ получилось то, что христіанство, какъ явленіе міровое, легло въ основу исторіи, создавъ особую, новую эру въ ней. Все это несомнѣнно такъ. И однако же, можемъ ли мы сказать, что „истина“ и „путь“ Христа уже вполнѣ вошли въ міръ? Во-первыхъ, они далеко еще не вошли въ *жизнь* человѣка. И теперь чаще всего она течетъ тѣмъ же мутнымъ, грязнымъ потокомъ страстей, эгоизма, вражды,

что и въ древнемъ языческомъ мѣрѣ. Но если бы
быть, мы могли бы сказать здѣсь въ иѣкоторое опре-
дѣленіе свое, что путь креста слишкомъ труденъ, что безъ
падений и изнемоганій не пройти его человѣку; и пусть
будетъ такъ (хотя это и не вполне такъ). Но спро-
симъ далѣе: высокое ученіе Христа принято ли, если
не жизнью, то хотя бы *мыслию* человѣка, но уже вполне,
т. е. всею мыслию и до такой степени, чтобы чело-
вѣкъ, всецѣло отдавшись „истинѣ“ Христа, оконча-
тельно и твердо остановился на ней и здѣсь нашелъ
покой для ума своего? Къ сожалѣнію, этого сказать
мы не можемъ. И теперь, какъ въ дни древніе, чело-
вѣкъ все еще стремится *самъ* найти путь свой, *соб-*
ственными силами познать истину. И думаетъ онъ,
что это удастся ему, — что онъ *дѣйствительно* открыва-
етъ *новые пути* жизни, взаимѣя даннаго Христомъ,
яко бы уже устарѣваго и потому не удовлетворяю-
щаго его. Но что же выходить? Вотъ иѣсколько при-
мѣровъ изъ жизни нашихъ дней, примѣровъ наибо-
лѣе яркихъ и извѣстныхъ, которые на глазахъ у
всѣхъ насъ.

Предъ нами великій талантъ, краса и слава на-
шего русскаго генія, дивная сила въ области худо-
жественнаго литературнаго творчества. Натура глу-
бокая, вдумчивая, философствующая, при этомъ съ
запросами высоко идеальными, онъ поражается тѣмъ
разладомъ между высокимъ христіанскимъ идеаломъ
и слишкомъ низменною дѣйствительностью, какой
представляетъ вся наша такъ называемая культур-
ная жизнь. Задумываясь надъ причинами столь
печальнаго явленія, онъ находитъ ихъ въ культурѣ
и въ религіи, именно — въ ложномъ направленіи ихъ:
та и другая идутъ, по его мнѣнію, ложною дорогой,
потеряли свой первоначальный, естественный и вѣр-



ный путь. Причина найдена; остается устранить ее, т. е. указать и возстановить утраченный истинный путь жизни. И вотъ, начинается самостоятельная (такъ думается ему) работа надъ уясненіемъ для себя (но вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ!) основъ жизни, путемъ ложныхъ толкованій тѣхъ истинъ христіанской вѣры, которыя хранятся въ церкви Христовой. Но къ чему же приходитъ онъ? Какъ ни странно и страшно это,—къ отрицанію Того, Кто далъ эти истины: онъ проповѣдуетъ христіанство безъ Христа, Сына Божія. Ему дороги высокіе христіанскіе идеалы жизни, и онъ беретъ ихъ; но божественный источникъ ихъ и благодатная помощь человѣку въ достиженіи ихъ представляются ему ненужными: это пережитокъ старины, догматическая метафизика, ничего кромѣ вреда человѣку не приносящая.

Вотъ печальная участь даже лучшихъ изъ людей, разъ они мечтаютъ въ своей гордынѣ указать міру будто бы новый путь жизни послѣ Христа: жалкое заблужденіе, ослѣпляющее ихъ духовный взоръ, становится ихъ удѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что иное, какъ не такое именно заблужденіе—самоослѣпленіе представляеть эта странная мечта помочь человечеству въ жизни его. научить жить, отнявъ у него Господа Іисуса Христа и оставивъ одни нравственные идеалы Его? Не значить-ли это, вынувъ душу изъ тѣла, думать, что послѣ этого оно будетъ жить еще лучше, чѣмъ прежде! Но чѣмъ же оно будетъ жить, если источникъ жизни его—душа оставила его! Не то же ли должно сказать и о высокихъ нравственныхъ идеалахъ, данныхъ человѣку Христомъ? Безъ Самого Христа, какъ Сына Божія, Искупителя грѣшнаго человечества,—возрождающагося вѣрою въ Него и получающаго отъ Него благодатную помощь на путяхъ

принципиального преуспѣянія своего,—безъ этого Источника своего все эти идеалы теряютъ свою истинную жизненную силу, то величайшее значеніе для человѣка, какое они должны имѣть. Они исходятъ изъ область обыкновенной, *человѣческой* морали, колеблющейся, мѣняющейся, имѣющей значеніе лишь временное, и главное—ничѣмъ ни за что не рушащейся. Только во Христѣ и со Христомъ, т. е. при Его помощи идеалы эти являются для насъ действительными свѣточами жизни. Безъ Него же что значатъ они для человѣка, существа слабого, вѣчно колеблющагося между добромъ и зломъ и всегда побеждаемаго силою зла, жалкаго въ своемъ безсиліи! *Богъ мене не можетъ творити ничегоже*, говоритъ Самъ Господь нашъ (Іоан. XV, 5). *Аль если путь... Никтоже приде ко Отцу токмо Мною* (Іоан. XIV, 6). Итакъ, напрасны эти мятежныя стремленія продолжать свой путь жизни, не „*черезъ Него*“ проходящій: такой путь не приведетъ „къ Отцу“, т. е. туда, гдѣ заключается для человѣка источникъ истинной жизни и истиннаго счастья. Онъ не можетъ дать намъ того, въ чемъ такъ нуждается духъ нашъ, къ чему всегда такъ стремится все человѣчество,—тѣхъ послѣднихъ незыблемыхъ основъ, на которыхъ мы могли бы окончательно утвердить свою жизнь и свое счастье. То же блужданіе, какое было въ древнемъ, языческомъ мірѣ, и ничего болѣе не приносить намъ этотъ путь.

Но вотъ примѣръ еще болѣе поразительный по своимъ печальнымъ, прямо ужаснымъ послѣдствіямъ.

На глазахъ всего міра разыгралась страшная драма жизни человѣка выдающихся дарованій, отмѣченнаго богатыми силами ума, направившаго ихъ на изысканіе своихъ путей жизни и облекшаго свои мы-

къ возможному духовному содержанію было слишкомъ трудно для него. Для этого потребовалась непрерывная работа всего дальнѣйшаго времени, и можемъ ли мы сказать, что къ нашимъ днямъ она уже закончилась? Она совершается и теперь; она не прекратится, пока живъ будетъ человекъ на землѣ. Съ различныхъ сторонъ, различными путями и средствами,—въ зависимости отъ условій національно-историческаго характера,—мы направляемся къ одному и тому-же: къ проясненію, къ возможно большему приближенію къ своему человѣческому пониманію все тѣхъ-же „пути, истины и жизни“ Господа Іисуса Христа. Но одного мы никогда не должны забывать при этомъ: въ основѣ возможнаго для человека постиженія ихъ должна лежать нѣра въ открывшаго ихъ міру Христа—Сына Божія. Нѣтъ этой основы—и у насъ отнимается единственный ключъ къ пониманію ихъ: рушится все зданіе нашего міровоззрѣнія, и тщетными оказываются все самыя могучія, повидимому, усилія построить его на данныхъ одного разума. Какъ бы ни старались мы „подмѣнить“ вѣру Христову, взять отъ нея одну мораль и отставить къ сторонѣ „догматику“,—никакая эстетика добрыхъ дѣлъ не прикроетъ зіяющихъ подъ ними пустоты и убожества, за отсутствіемъ истиннаго, единственнаго Источника ихъ величія, красоты и силы. Но еще печальнѣе положеніе наше, если мы уклонимся совершенно отъ „пути“ и „истины“ Христа и задумаемъ создать свой собственный путь жизни. Онъ заведетъ насъ въ такія бездны, изъ которыхъ выхода нѣтъ, и гдѣ царятъ лишь мракъ и смерть.

Господи и Владыко живота нашего! Духъ смирительно-пудрія даруй намъ, рабамъ Твоимъ!

Н. Макавейскій.